# Топос *родина – могилы* в текстах периодических изданий Польской православной церкви

Jan Morawicki
*University of Lodz*

**THE *HOMELAND* – *GRAVES* TOPOS IN MEDIA PUBLICATIONS OF THE POLISH AUTOCEPHALOUS ORTHODOX CHURCH.** The paper examines the homeland – graves literary topos appearing in media publications of the Polish Orthodox Church. The material is excerpted from the periodicals *Przegląd Prawosławny*, *Polski Żołnierz Prawosławny*, *Cerkiewny Wiestnik* and *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego* from the years 1989–2012. Based on the analysis of nine text samples, the author concludes that the presence of this topos is not connected either with genre features of the publications, or with text's direct content (the time and place of the described events have no effect on the appearance of the topos). Analyses also reveal that the topos most often stimulates expressive, evaluative language; burial places are often mentioned to emphasize the belonging of Orthodox community members to the Polish nation and also include the aspect of the victims' sacralization; the concept of homeland may refer to a specific region of Poland, the whole country, or to a territory inhabited predominantly by several generations of Orthodox Christians. The use of the homeland – graves topos serves the aim to reveal Orthodox citizens as an integral part of the Polish society that shares the same challenges and makes the same sacrifices as other Poles. On the other hand, the topos may emphasize that Orthodox Christians comprise a separate community within the Polish state as they have been subject to persecution and suffering for their religious beliefs.

**Keywords:** Eastern Orthodox Christianity, topos, homeland, graves, periodical, war, Poland, Polish Autocephalous Orthodox Church

Понятие *топос* в наше время уже имеет свою историю. Эрнст Роберт Курциус вернул его из античного прошлого. Подозревал ли он, что *топос* быстро завоюет сердца научного сообщества и станет одним из популярных инструментов анализа самых различных текстов? В настоящей статье исследуется топос *родина – могилы* в текстах периодических изданий Польской православной церкви периода 1989–2012 гг. Наличие данного топоса, по мнению автора, не связано ни с жанровыми особенностями текстов, ни с содержанием

(время и место описываемых событий не имеют значения). Сам топос раскладывается на топосемы (*родина* и *могилы*). При этом топосем в данном случае понимается как значение-ключ, которое может выражаться различными лексическими формами.

Тема родных мест – родины является ведущей для периодических изданий Польской православной церкви в период, охваченный данным исследованием. Это могут быть рассказы о деревушке, отдельной части страны или же всем государстве. Важным элементом всех этих текстов, независимо от их жанровой принадлежности, является представление о пространстве, имеющем особое значение для формирования польской православной традиции. Важным фактором, влияющим на особое значение темы родного края, является исторический контекст, который указывает на связь между физической утратой родной земли и проблематикой идентичности. Как пишет Стефан Дудра, имея в виду лишь один конкретный эпизод кризиса укорененности и его влияния на польское православие: *Akcja „Wisła" stała się też ważnym elementem tożsamościowym dla PAKP zarówno na Ziemiach Odzyskanych, jak i po 1956 r. w Polsce południowo-wschodnej* (Dudra 2019: 29). Тема переселения, в восточном и западном направлениях – в зависимости от периода истории часто появляется на страницах периодических изданий Польской православной церкви. В значительной степени это обусловлено многочисленностью различных акций по спланированной или спонтанной миграции. Здесь и беженство периода Первой мировой войны, и акции по обмену населением в конце Второй мировой, и уже упомянутая выше акция „Висла". С другой стороны, для польского православия актуальным остается вопрос о его сосуществовании или включенности в польское общество, об аутентичности православия для Польши. В упрощенном виде эта дискуссия сводится к формуле: является ли православие исконной частью польской культуры[1] или чем-то привнесенным, связанным с многочисленными попытками подчинения полного или частичного польского государства власти государства российского. Приведем мнение одного из известнейших представителей польской православной культуры, художника Ежи Новосельского: *Czegoś takiego, jak polskie prawosławie – nie ma. Ten Kościół to pozostałość Kościoła prawosławnego ukraińsko-białoruskiego na terytoriach polskich silnie zdominowanego przez rosyjski Kościół synodalny w czasie zaborów* (Podgorzec 1993: 92). В свою очередь другой известный представитель польской православной общественности Александр Наумов пишет: *Mityczne granice wspólnoty religijnej i kulturowej zwykle nie pokrywają się z obecnymi granicami państw, rekonstrukcja*

[1] Под *культурой* в данном случае понимается самый широкий спектр явлений, продиктованных религиозными особенностями; сюда же можно отнести явления, непосредственно или опосредованно связанные с историческим контекстом с его политическими и военными антагонизмами.

*własnych dziejów zmierza bowiem do maksymalnej pełni, obejmując możliwie najbardziej rozległy teren i najbogatszy zestaw bohaterów* (Naumow 1999: 449). Подобная тематика находит свое отражение на страницах газет и журналов Польской православной церкви.

Еще одна важная тема, которая находит свое отражение на страницах периодических изданий Польской православной церкви, это вопрос жертвы, мученичества, смерти и захоронения. Безусловно обусловлено это, с одной стороны драматическими, а порой трагическими событиями польской истории, с другой, особым отношением к теме смерти и мученичества в православной традиции: *Na krwi męczenników i wyznawców wzrasta i rozwija się Cerkiew prawosławna, a ich krew cementuje Jej fundamenty* (Charkiewicz 2008: 9). Представляется, что в рамках корпуса текстов периодических изданий Польской православной церкви можно говорить о топосе *родина – могилы*.

Используя понятие *топос*, трудно не вспомнить о его истоках. Согласно словарю литературных терминов, *топос* это *powszechne schematy argumentacji i perswazji, ustalone ujęcia pewnych tematów i kwestii oraz wzorcowe przykłady wypełnienia określonych miejsc mowy* (Glowinski et al. 2002: 268). Появление *топоса*, а точнее, возвращение его из мира античной риторики, связано с немецким филологом Эрнстом Робертом Курциусем. Для него топос – это константа литературы, имеющая надвременной характер. Обращаясь к античной традиции понимания топоса как инструмента риторики, Курциус видит в нем своеобразные клише, встречающиеся в европейской литературе, начиная с античных времен. Курциус обращает внимание на два аспекта топоса. Первый можно свести к риторическим приемам, которые призваны сделать текст более ясным для адресата, а самое главное, указать на его правдоподобность. Примером такого инструментального подхода является т.н. *afektowna skromność*. Курциус пишет: *We wstępie (exordium) mówca powinien był tak nastawić umysły swych słuchaczy, aby byli oni dlań życzliwie usposobieni, uważni i ulegli jego argumentom* (Curtius 1997: 90). Более важным для нас представляется другой аспект, или же другая группа топосов, непосредственно связанная с поэтикой. Курциус указывает на повторяющийся характер определенных сюжетов в текстах античного периода и эпохи средневековья. Среди них: *Воззвание к природе*, *Перевернутый мир*, *Мальчик и старик*, *Старуха и девочка*. Немецкий ученый обращает внимание на различные комбинации этих топосов в зависимости от конкретной эпохи. Литературные образы исследователь соотносит с миром подсознательного, с миром снов, отпечатки которых мы находим, в частности, в агиографических текстах, посвященных противостоянию святых и демонов, в том числе и самого дьявола.

Французская исследовательница Мишель Вейль-Бергуню, связанная с группой SATOR (Société d'Analyse de la Topique Romanesque), предложила определение понятия *топос* как повторяющейся конфигурации нарративной информации (*configuration récurrente d'informations narratives* – Weil-Bergougnoux 1994: 1039). Важным элементом этой дефиниции является повторяемость, длительность появления топоса в литературных текстах. При этом границы *топосов* могут меняться, фактически они зависят от согласия исследователей, работающих в проектах SATOR. Топос выступает как в виде последовательной наррации (*la séquence narrative*), так и в виде небольшого рассказа (*le micro-récit*). В первом случае речь идет о топосе, представляющем собой повествование с началом и концом, распределенное в большом тексте. Во втором случае топос может быть сконцентрирован на одной странице или в одном абзаце. Исследовательница приводит примеры топосов: обморок от радости во время встречи, потеря дара речи из-за волнения, влюбленные теряют сознание в течение долгого времени и много раз (*le topos de l'évanouissement de joie lors de retrouvailles, incapables de parler tant ils sont émus, les amants s'évanouissent plusieurs fois et longtemps*). По мнению Вейль-Бергуню, составным элементом топосов являются топосемы / топоземы (*toposèmes*). Исследовательница отмечает, что топосемом может быть любая значимая для топоса формальная единица. Это своеобразное слово-ключ, которое само по себе не может быть топосом. Например, для топоса *дама в маске* такими элементами могут быть слова: *маска*, *дух*, *красота*, *брак* (*le masque*, *l'esprit*, *la beauté*, *le mariage*). Эти единицы структуры могут меняться, переходить из одного топоса в другой. Изменение ключевых элементов – *топосемов* – ведет к созданию новых топосов. Согласно концепции Вейль-Бергуню, топосы, обладающие общими топосемами, объединяются в топический ансамбль (*ensemble topique*). Например, топический ансамбль *обморок* может объединять топосы *обморок от радости, горя, от злобы и т.д.* (Weil-Bergougnoux 1994: 1043).

В свою очередь Ярослав М. Рымкевич убежден, что понять смысл и значение топоса можно только благодаря анализу структуры текста, в котором он появляется, и пониманию контекста, в рамках которого топос функционирует. Для Лидии Соколовой, работающей с батальными текстами старорусской литературы, топос это, во-первых, устоявшаяся словесная форма, во-вторых, устойчивые сюжетные конструкции: *устойчивый структурный элемент („стереотипный эпизод“) воинского повествования, занимающий определенное место композиции произведения и реализующийся посредством устойчивых литературных формул* (Sokolova 2021: 111). Соколова, вслед за Д.С. Лихачевым, обращает внимание на важную особенность: *не жанр произведения определяет*

*собой выбор выражений, выбор „формул", а предмет, о котором идет речь* (Sokolova 2021: 107). В свою очередь Татьяна Руди, исследующая средневековую агиографическую литературу, дает такое, широкое определение: *Топосом может быть любой повторяющийся элемент текста – от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи* (Rudi 2005: 61). На примере житий святых Руди указывает на библейские корни многих топосов – они также характеризуются устойчивостью при одновременной возможности развития. К таким топосам можно отнести, например: *желание полного уподобления Христу, уподобление страданиям первомучеников, предсмертное прощение врагов*. Подобные элементы повествования мы находим в житиях христианских мучеников. Впрочем, не только, в житиях христианских подвижников, пожалуй, главным элементом оказывается топос *подражания Христу (imitatio Christi)*. Следующую группу Руди называет *топосами подражания апостолам* (*imitatio apostoli)* (Rudi 2005: 73). К ней исследовательница относит топосы, связанные с христианской миссией среди языческих народов.

Для Марты Томчок топос оказывается элементом конкретного историко-литературного явления – холокоста: *Przez termin „topos" proponuję rozumieć powracający w różnych narracjach obraz będący pamięciowym portretem rzeczywistości, stworzonym przez świadka Zagłady, bądź kopią / wersją (a czasem nawet kopią kopii) takiego portretu, sporządzoną przez osobę podobną do świadka (lub przedstawicieli młodszych pokoleń, sięgających przy odtwarzaniu przeszłości do pokładów postpamięci, złożonej z portretów pamięciowych pierwszego pokolenia)* (Tomczok 2016: 73). Исследовательница вводит в понятие важный личностный элемент, который указывает на живой характер топоса, на его способность изменяться под воздействием контекста и особенностей памяти.

Выше был представлен краткий, и конечно, далеко не полный обзор подходов к определению понятия *топос*. Даже из такого краткого описания видно, что границы понятия во многом носят интуитивный характер и часто зависят от специфики научных интересов или даже мировоззрения автора. С одной стороны, это безусловно создает целый ряд проблем для использования понятия *топос* в аналитических целях. С другой стороны, данное многообразие открывает дополнительные возможности для модификации топоса, экспериментирования с возможным применением этого инструмента к самым различным текстам.

Определим важные для нас характеристики топоса, которые позволят его дальнейшее использование для анализа интересующих нас текстов. Итак – говорить о топосе можно в случае повторяемости определенных элементов. Топос сам по себе является чем-то

устойчивым, способным к воспроизводству. В контексте интересующей нас темы, топос должен фиксироваться в самых различных публикациях периодических изданий, на это не влияют жанровые особенности текстов, он также только до определенной степени зависит от тематического содержания материалов. Легко предположить, что определенное содержание больше располагает к появлению того либо иного топоса. Однако невозможно говорить о строгом закреплении топоса за текстами конкретной тематики. Для нас близко определение топоса, которое дает Мишель Вейль-Бергуню – как *повторяющейся конфигурации нарративной информации*. Впрочем, мы предлагаем дополнить данную дефиницию топоса вслед за Татьяной Руди, указав на повторяемость не конкретных фраз или словосочетаний, а идей и смысловых конструкций. По этой причине для нас топосем – это не слово-ключ, мы предлагаем понимать его как значение-ключ.

Предметом анализа в настоящей статье является топос, который мы называем *родина – могилы*. Он включает в себя два элемента, которые с определенной долей вариативности мы можем найти в многочисленных текстах периодических изданий Польской православной церкви. Первый топосем – *родина* – включает в себя, с одной стороны, государство (Польша), отдельные части государства и территории, которые ранее находились в его пределах. С другой стороны, *родина* имеет символическое значение – это воображаемое пространство, связанное с воспоминаниями и представлениями, с жизнью различных поколений и эмоциональной связью с конкретной территорией или страной. Оно носит яркий оценочный характер. В этом месте стоит подчеркнуть, что на разнообразный характер отражения представлений о родине обращал внимание, в частности, Ежи Бартминьский. По его мнению: *Podstawowe profile polskiej ojczyzny możemy nazywać ze względu na to, na który składnik kładziony jest szczególny nacisk, który staje się semantycznym centrum, domitantą* (Bartminski 2012: 181). В свою очередь топосем *могилы* для нас имеет более широкое значение. Они могут являться общим пространством (кладбище) – быть сосредоточением захоронений, речь может идти и об отдельной могиле. Впрочем, возможна и символическая интерпретация элемента *могилы*, что будет показано ниже.

Для анализа были выбраны тексты из четырех периодических изданий круга Польской православной церкви. Это *Przegląd Prawosławny*, *Polski Żołnierz Prawosławny*, *Cerkiewny Wiestnik* и *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego*. В этом месте необходимо дать пояснение: первое из вышеперечисленных изданий формально не является официальным органом Польской православной церкви, *Przegląd Prawosławny* издается Фондом им. князя Константина Острожского (*Fundacja im. Księcia Konstantego Ostrogskiego*). Однако, это издание распространяется в церковных приходах, позицио-

нируя себя как орган польской православной общественности. В рамках исследования были проанализированы тексты из упомянутых выше изданий в период с 1989 по 2015 год. В качестве примеров в данной статье представлены 9 фрагментов. Необходимо отметить, что они имеют иллюстративный характер. Нужно также обратить внимание на тот факт, что для настоящей публикации авторство текстов и их происхождение (это может быть, например, отрывок из проповеди или фрагмента литературного произведения) не являются важными, значение имеет лишь топос и формы его представления в тексте.

Рассмотрим примеры.

> *Пример 1*
> O. Jerzy Charytoniuk mówił do otaczających polną mogiłę starych, młodych i dzieci trzymanych na rękach:
> – To miejsce, w którym jesteśmy, jest święte. Tu leżą ludzie, którzy oddali życie za was i świętą wiarę prawosławną. Zginęli, bo byli prawosławni, a więc – w rozumieniu innych – niepotrzebni. Jako takich należało ich z tej ziemi usunąć. Na ich miejsce mogliby przyjść lepsi, mądrzejsi… Tak było. (PP 2012a: 27)

В этом фрагменте автор описывает события военной и послевоенной истории Польши. Место (земля), о которой идет речь, описывается с помощью оценочного прилагательного *święta*. Автор объясняет, что святость места непосредственно связана с *могилами* и жертвой людей, которые *oddali życie za was i świętą wiarę prawosławną*. Подчеркивается сакральность места, появляется указание на насильственный и даже мученический характер смерти: *zginęli, bo byli prawosławni.* Фраза: *Jako takich należało ich z tej ziemi usunąć* указывает на запланированный, неслучайный характер смерти. Автор подчеркивает, что существует волюнтаристская сила, противостоящая православию. Далее указывается*: Na ich miejsce mogliby przyjść lepsi. Могилы* – места захоронения представлены через противопоставление одних (святых, православных, умерших или убитых) и других (неких *лучших*, вероятно живых). Еще раз обратим внимание на тот факт, что могилы в этом случае оказываются не только пространством, отделенным от мира живых – в первую очередь это место, которое подчеркивает границу между православными и неправославными. Еще один элемент топоса – *родина* – в данном отрывке выражен абстрактно. В представленном выше фрагменте он появляется благодаря указанию – *Tu leżą ludzie, którzy oddali życie za was*, далее – *Jako takich należało ich z tej ziemi usunąć*. Не вызывает сомнения, что эти фразы указывают на привязанность героев повествования к конкретной территории – *родине* (*ta ziemia*), объединяющей *starych, młodych i dzieci trzymanych na rękach*. Таким

образом, как мы уже отмечали, каждый из элементов топоса *родина – могилы* дополняет друг друга. Трудно провести четкую границу между ними. В данном примере слова: *Tu leżą ludzie, którzy oddali życie za was* указывают на наличие элемента *могилы*. С другой стороны, эти же слова в сочетании с последующим текстом сигнализируют наличие элемента *родина*.

> *Пример 2*
> O. Roman stara się integrować swoich parafian wokół spraw Cerkwi. Jednym z ważnych wydarzeń parafialnych było upamiętnienie miejsca pochówku w dawnych wiekach na wzgórku przy wsi Zubry. Postawiono tam 26 sierpnia 2006 roku i poświęcono duży krzyż z napisem na tabliczce po cerkiewnosłowiańsku i po polsku „Wieczny odpoczynek przodkom wsi Zubry". To było wielkie święto mieszkańców okolicznych wsi. Co roku tam się spotykają. (PP 2011a: 2)

В этой статье речь идет о судьбе небольших приграничных деревень в восточной части Польши. Уверенно можно говорить, что первая часть этого фрагмента содержит топосем *могилы*. Он представлен через реальное описание места исторического захоронения: *Jednym z ważnych wydarzeń parafialnych było upamiętnienie miejsca pochówku w dawnych wiekach*. На наличие этого топосема указывает и другая фраза из этого фрагмента – цитата надписи на кресте – *„Wieczny odpoczynek przodkom wsi Zubry"*, которая вне контекста могла бы указывать как на символический, так и на реальный характер захоронения. Топосем *могилы* без труда можно распознать и в сообщении о маркировки места с помощью сакрального символа: *Postawiono tam 26 sierpnia 2006 roku i poświęcono duży krzyż z napisem na tabliczce po cerkiewnosłowiańsku i po polsku*. Перечисление языков, на которых сделана надпись, в отличие от примера 1, говорит о кладбище – *могилах*, как месте объединяющем и не разделяющем. Стоит отметить, что это объединение вокруг *могил* касается не только мертвых, но и живых: *O. Roman stara się integrować swoich parafian wokół spraw Cerkwi*. В этом случае интеграция, в большей степени, указывает еще на другой топосем – *родина*. К этому же топосему относится уточнение – кому именно посвящен крест. *Wieczny odpoczynek przodkom wsi Zubry* – эти слова не оставляют у читателя сомнений: речь идет о трансляции или попытке трансляции традиции из поколения в поколение людей, живущих в одном конкретном месте – *wsi Zubry*. Определенным образом на наличие топосемов *могилы* и *родина* интересующего нас топоса указывают и слова: *To było wielkie święto mieszkańców*. С одной стороны, праздник связан с посещением особого места – *могил*, с другой, там собираются местные жители, для которых участие в празднике подчеркивает их статус членов местного сообщества.

*Пример 3*

W styczniowym numerze „Przeglądu" pisałem w tym miejscu o tym, jak martyrologia prawosławnych w Polsce, zwłaszcza po odzyskaniu niepodległości w 1918 roku, posłużyła felietoniście „Rzeczpospolitej" do kpin na łamach tejże gazety.

Prawosławni żołnierze, i to niemało, walczyli w szeregach Wojska Polskiego w pierwszej wojnie światowej, na polach Radzymina, w kampanii wrześniowej, w formacjach Polski Podziemnej, walczyli i ginęli w Powstaniu Warszawskim. (PP 2011b: 41)

Здесь мы имеем дело с другим (и по жанровым характеристикам и по масштабам описания) текстом. Примеры 1 и 2 были взяты из публикаций, которые можно было бы охарактеризовать как репортаж, описание конкретного события, локализованного во времени и пространстве. В примере 3 речь идет о полемической заметке, которая касается описания судеб польских православных солдат и того, как эти судьбы представляются в средствах массовой информации. В этом фрагменте топосемы топоса *родина – могилы* представлены иначе, не так как это было в примерах 1 и 2. *Родина* – это уже не отдельная деревня или территория, но вся страна, при этом ее границы временные и пространственные не задаются четко. *Могилы* – это не конкретное место захоронения, но также метафора, выраженная в перечислении мест главных сражений. Еще одно важное отличие от предыдущих фрагментов – интересующий нас топос как бы пронизывает повествование, его элементы мы фиксируем по крайней мере в двух отрывках текста, посвященного периоду Второй мировой войны. Топосем *могилы* фиксируется благодаря появлению в тексте слов: *martyrologia prawosławnych w Polsce*. Само понятие мартирология отсылает нас к теме мученичества – очень важного концепта в рамках христианского, и конкретнее, православного мировоззрения. Далее мы видим перечисление мест сражений, в которых участвовали польские солдаты. Топосем *могилы* содержится и во второй части высказывания: *walczyli i ginęli w Powstaniu Warszawskim.* Поле битвы – это очень часто не только место конкретного сражения, а также место гибели и захоронения. Это позволяет в контексте повествования о войнах и гибели на войнах рассматривать поле брани и как образ последнего пристанища, места упокоения. Нужно обратить внимание на двойственный характер представления оппозиций, которые характеризуют описанное нами место захоронения. С одной стороны, оно объединяет: *Prawosławni żołnierze, i to niemało, walczyli w szeregach Wojska Polskiego*; с другой стороны, повествование об этих жертвах может сигнализировать разделение, восприятие группы православных как отдельной от большинства общности: *posłużyła felietoniście „Rzeczpospolitej" do kpin na łamach tejże gazety*.

Перечисление событий польской военной истории: *martyrologia prawosławnych w Polsce, zwłaszcza po odzyskaniu niepodległości w 1918 roku* указывает на длящийся период пребывания православных в Польше – таким образом сигнализируется наличие топосема *родина* – страна, с которой на протяжении длительного времени связаны православные. Стоит еще раз подчеркнуть несовпадение в данном фрагменте пространственных границ, описываемых с помощью топосема топоса *родина – могилы*.

*Пример 4*

Prawosławny biskup polowy śp. Sawa Sowietow w 1946 r. po odwiedzeniu żołnierzy prawosławnych we Włoszech, oświadczył: „W walce o sprawiedliwość i wolność Polski złożyliśmy dużo ofiar, w tym żołnierze wyznania prawosławnego. Wierzę, że (sic) krew ta nie była przelana na darmo i że przyjdzie chwila kiedy powrócimy do wolnej i niepodległej Polski". (PZP 1994: 4)

Этот фрагмент также позаимствован из текста, отличающегося от предыдущих по жанровым характеристикам. В данном случае речь идет об официальном сообщении, в которое включено повествование о деятельности одного из иерархов Польской православной церкви. Как и в предыдущем отрывке, так и здесь топосем *могилы* – пространство без четких границ. Особенность этого пространства так же, как и в предыдущем фрагменте, определяется через жертвенность: *W walce o sprawiedliwość i wolność Polski złożyliśmy dużo ofiar* и далее: *krew ta nie była przelana na darmo*. Еще один пространственный указатель (*po odwiedzeniu żołnierzy prawosławnych we Włoszech*) не связан в данном случае с гибелью или могилами и не указывает на какой-либо из топосемов интересующего нас топоса. Символические *могилы* являются местом, которое объединяет (*w tym żołnierze wyznania prawosławnego*), через него подчеркивается общность, принадлежность и участие в общем деле. Наличие топосема *родина* сигнализируют, прежде всего, слова: *powrócimy do wolnej i niepodległej Polski*, которые выражают надежду на возвращение в страну. Использование качественных характеристик и указание, появляющееся в начале данного фрагмента, что именно ради Польши были принесены жертвы, подразумевает наличие эмоциональной связи с родной землей. Таким образом топосем *родина*, подобно, как и в примере 3, охватывает пространство всей страны, а не отдельных регионов или деревень, как это было в примере 1 и 2. Как в предыдущем случае, так и в этом фрагменте, физические пространства, которые описывают топосемы интересующего нас топоса, не совпадают, точнее: их совпадение не является очевидным.

*Пример 5*

Mogiły pochłoniętych przez II wojnę światową tych czterech, dzielnych żołnierzy z tej patriotycznej rodziny znajdują się na terenie trzech krajów. Prochy płk Szymona pozostały na zawsze w katyńskim lesie, syn Aleksander pochowany jest na terenie Niemiec w Mannheim, zaś synowie Wiaczesław i Orest, którzy polegli w powstaniu warszawskim pochowani są na prawosławnym cmentarzu na warszawskiej Woli. (PZP 1995a: 11)

Данный фрагмент также касается событий Второй мировой войны, он описывает судьбу семьи одного из священников Польской православной церкви. Здесь места захоронения, *могилы* членов рода оказываются разбросаны по разным уголкам земли – впрочем, каждое из этих мест является своеобразным маркером важных для Польши трагических событий и мест. Физическое нахождение части из них вне границ государства указывает, однако, на связь со страной. Варшава и *prawosławny cmentarz* прямо указывают на континуум – длящееся присутствие православных в польской столице. Автор использует яркое определение для характеристики погибших: *patriotyczne rodziny*, что указывает на топосем *родина* интересующего нас топоса. Отметим еще два аспекта: во-первых, как в предыдущем фрагменте, так и здесь оба топоса описывают разные пространства, совпадающие лишь частично. Во-вторых, топосем *могилы*, в данном случае, подчеркивает общность трагического опыта, сопричастность православных к жертвам, понесенным гражданами Польши во время Второй мировой войны. Что важно – речь не идет об обычной физической смерти вне границ родной страны, подчеркивается значение – смысл этой смерти-жертвы. Появление *могил* (*znajdują się na terenie trzech krajów*) не связано исключительно с судьбой конкретного человека, но биографической траекторией, которая задается историческими событиями на *родине*.

*Пример 6*

Był to widomy znak, iż po długiej przerwie prawosławny hierarcha mógł przybyć ponownie na Monte Cassino wraz z duchowieństwem i polskimi żołnierzami, by oddać hołd i cześć tym prawosławnym synom naszej Ojczyzny, którzy walcząc o wolną Polskę na ziemi włoskiej złożyli swe życie. (PZP 1995b: 9)

Этот фрагмент, как представляется, содержит один из самых четких примеров топоса *родина – могилы*. Здесь автор описывает посещение православными иерархами одного из знаковых мест в польской истории. Фактическим символом сражения времен Второй мировой войны оказывается кладбище. Для указания связи между этим местом и Польшей – *родиной* автор использует патетические слова: *oddać hołd i cześć tym prawosławnym*

*synom naszej Ojczyzny.* И в этом фрагменте топосем *могилы* фактически становится своеобразным символом другого топосема – *родина*: *walcząc o wolną Polskę*. Автор указывает на временной континуум, идущий из прошлого в будущее (*po długiej przerwie prawosławny hierarcha mógł przybyć ponownie*); делегация современников приезжает из родных мест, чтобы почтить предков, лежащих на чужбине. Используется синекдоха – *syny Ojczyzny*, которая указывает на всеобщий характер явления – участия в борьбе за свободную Польшу, выступающую в роли отца-матери по отношению к своим сыновьям. Можно предположить, что топосем *могилы* подчеркивает участие православных солдат наравне с остальными в борьбе за независимость своего государства. Значение жертвы, приносимой ради страны, описывается патетической конструкцией *złożyli swe życie*. Еще одним указанием на значение конкретных стран является противопоставление *Италия (чужбина) – Польша (родина)*: *walcząc o wolną Polskę na ziemi włoskiej*. В этом фрагменте, как и в предыдущем, *могилы* являются печальным итогом борьбы во имя *родины*. Географически эти захоронения находятся вне границ родной страны, однако символически относятся к ней, подтверждают связь православных с Польшей.

> *Пример 7*
> Nasz naród wiele wycierpiał w ciągu całej historii. Takich męczenników na naszej ziemi jest dużo. Cierpieli i oddawali swoje życie za swój język i prawosławną wiarę. Powinniśmy chronić to, czego oni bronili. Jeśli postąpimy inaczej, będziemy się bać, okażemy się niegodni tych, którzy dali swoje świadectwo. (PP 2012b: 8)

Данный текст является фрагментом повествования о судьбе православного населения восточных районов Польши в послевоенный период. На топосем *родина* указывают первые две фразы: *Nasz naród wiele wycierpiał w ciągu całej historii. Takich męczenników na naszej ziemi jest dużo*. Автор использует синекдоху *Nasz naród*, которая задает тотальность драматических переживаний. Длительность описывается конструкцией *w ciągu całej historii*. Привязанность к пространству (*родине*) передается через указание: *na naszej ziemi.* О наличии следующего топосема – *могилы* – говорит описание страданий и смерти: *oddawali swoje życie*. Трансляция связи между поколениями описывается императивом: *Powinniśmy chronić to, czego oni bronili*. Отказ от трансляции грозит негативными последствиями – разрывом связи с предками: *Jeśli postąpimy inaczej, będziemy się bać, okażemy się niegodni tych, którzy dali swoje świadectwo*. Стоит отметить, что в данном фрагменте топосемы *родина* и *могилы* не привязаны к конкретному пространству. Границы *naszej ziemi* максимально абстрактные. Конкретизация возможна лишь в контексте всего

повествования. В то же время могилы привязаны к *нашей земли*, в отличие, в частности, от примера 6. Здесь *могилы* оказываются символом разделения, обособления от других: гонителей православной веры, подвергающих мучениям людей православных (*Cierpieli i oddawali swoje życie za swój język i prawosławną wiarę*).

> *Пример 8*
> Ta ostatnia wojna światowa przyniosła duże straty wśród naszego duchowieństwa prawosławnego i wiernych, którzy z całym krajem przecierpieli straszną gehennę wojenną. Gwałtowną śmiercią w czasie wojny zginęło szereg dostojnych kapłanów i mnóstwo wiernych. Żołnierze polscy wyznania prawosławnego ginęli nie tylko w Polsce, ale walczyli z wspólnym wrogiem pod Monte Cassino, Narwikiem, w Tobruku. Eskadry polskich samolotów zapisały chlubną kartę w bitwie o Londyn. (CW 1989: 3)

В данном фрагменте топосем *могилы* связан не с конкретной местностью, но со всей страной. Временная связь с современностью достигается с помощью подчеркивания принадлежности к общей профессиональной и религиозной группе: *nasze duchowieństwo*. Автор указывает на устойчивый, вневременной характер существования данной группы, притяжательное местоимение *nasze* относится к современникам – потери прошлого становятся потерями настоящего. Указывает также на исторический период (*ostatnia wojna światowa*), символическое значение которого не может вызывать у читателя сомнения. Именно с этим важным и трагическим периодом связаны значительные жертвы православных: *duże straty wśród naszego duchowieństwa prawosławnego i wiernych*. Усиление символического значения достигается с помощью использования библейского понятия *gehenna* (ср., наприм., Мф. 5: 22; Мр. 9: 43, 45, 47). Автор текста подчеркивает, что речь идет об активном участии православных в ключевых событиях войны: *z całym krajem, ginęli nie tylko w Polsce, ale walczyli z wspólnym wrogiem*. Враг общий для всей страны, в том числе для православных, которые не только гибли во время войны, но и участвовали в ключевых для национального самосознания событиях, не только в Польше, но и за ее пределами. При этом потери, как и для всей страны – *родины*, носят тотальный характер. В этом фрагменте описание места гибели – *могил* – дано достаточно четко, смерть и захоронение подчеркивают принадлежность к борьбе с общим врагом (*wspólnym wrogiem*).

> *Пример 9*
> Ofiarami tamtych dni stali się mieszkańcy południowowschodniej Polski. Gdy ich deportowano, płakali i nie rozumieli, dlaczego i jakim prawem wyrzuca się ich z ojcowizny, z ziemi na której od wieków pracowali ich przodkowie, tam zastawili mogiły swych bliskich, rodzinny dom, świątynie. Zostali przeniesieni setki kilometrów jedynie za to, że byli prawosławnymi. (WPAKP 2002: 12)

В этом фрагменте речь идет о событиях послевоенной истории Польши. В отличие от предыдущих примеров, здесь топосем *могилы* содержится в повествовании об утраченной отчизне – *родине*: *tam zastawili mogiły swych bliskich, rodzinny dom, świątynie*. Этот факт подчеркивает связь православных с конкретным регионом страны: *południowowschodnia Polska – ojcowizna*. Временной континуум задается с помощью словосочетаний и слов *tamte dni, od wieków, przodkowie*. Связь с родной землей оказывается прервана в насильственный способ переселения в рамках акции по перемещению населения из восточных воеводств Польши на западные территории, присоединенные по итогам Второй мировой войны. Топосем *могилы* указывает на обособленность группы православных, которые вынуждены покинуть свою *родину* только потому, что они являются православными. Как *родина*, так и *могилы* локализованы в конкретном географическом пространстве.

***

Подведем итог: топос *родина – могилы* выявляется в самых различных текстах периодических изданий Польской православной церкви, таких как: репортажи о событиях, официальные сообщения, воспоминания, полемика и т.д. На это не влияют жанровые особенности текстов. Интересующий нас топос появляется в повествованиях, посвященных самым разным периодам истории и событиям: Первая и Вторая мировые войны, акции по переселению и т.п. Это происходит, например, в повествованиях о жертвах войны, которые лишь символически связываются с конкретным пространством через указание на место смерти или битвы. Могилы маркируют страдание и жертвенность православных на территории восточных районов Польши. Это наблюдается и на уровне оппозиции *мы* (*наши могилы*) – *они* (*их могилы*), и через подчеркивание единения (*мы вместе*) с остальными – *у нас одним могилы*. Таким же образом маркировка происходит на уровне характеристик похороненных в конкретных или воображаемых могилах – *мы жертвы, мертвые – они мучители, живые* или же – *мы таким же образом участвовали в жертве как и все*. Сакральность места – могил часто описывается через религиозную символику, а также через символику национально-патриотической мифологии. Интересующий нас топос может включать описание временного континуума – связь потомков с

предками, представление современности и эмоционально-символической связи между живущими членами группы православных. Важно отметить, что часто топос *родина – могилы* выражается в экспрессивных, оценочных утверждениях. Каждый из топосемов топоса *родина – могилы* в рамках конкретной публикации помогает создать полную картину явления, о котором повествует автор.

Очевидно, что чаще всего топос *родина – могилы* появляется в текстах, касающихся событий Второй мировой войны. Можно говорить о некоторых особенностях, характерных чертах интересующего нас топоса, в зависимости от тематики повествования. Для публикаций, посвященных боевым действиям в период войны или войн, передвижению войск, сражениям и т.д. характерно указание на объединяющей роли *могил*. Место захоронения подчеркивает принадлежность православных к общности польского народа. Такую картину мы наблюдаем в примерах 4, 5, 6, 8. *Могилы* часто не фиксируются в конкретном пространстве, их локализация достаточно абстрактна. В этом случае значение-ключ *родина* связано с территорией всего государства, с более или менее четкими границами. В свою очередь в повествованиях, касающихся событий вне боевых действий, судеб гражданского населения, жителей отдельных регионов страны, *могилы* указывают на обособленность, отдельность группы православных. Такая позиция характерна для примеров 1, 2, 3, 7, 9. Локализация могил чаще всего происходит в конкретном регионе страны или даже отдельной деревне. Точно так же *родина* оказывается конкретным районом Польши, территорией, на которой проживают несколько поколений православных. Впрочем, как в примере 9, речь может идти об утраченных *могилах* и об утраченной *родине*. Появление топосема *могила* иногда сопровождается сакрализацией места захоронения – с подобным случаем мы сталкиваемся в примерах 1, 2, 4, 5, 7, 8. Для этого используются различные приемы, например, указание на наличие особого памятного знака – креста (пример 2), через прямое объявление земли *святой* (пример 1), акцент на связи *могил* со значимыми событиями польской истории (пример 4, 5, 6, 8). Для подчеркивания значимости и сакральности смерти (гибели / могил) используются, в частности, такие слова: *złożyliśmy dużo ofiar*; *mogiły pochłoniętych przez II wojnę światową*; *złożyli swe życie*; *przecierpieli straszną gehennę wojenną*. Здесь необходимо отметить, что в большинстве примеров смерть, гибель и место захоронения – *могилы* – связываются с темой жертвы, принесенной во имя высокой цели: родины, веры предков. Впрочем, подобная сакрализация *могил* не отмечается в ряде фрагментов (пример 2, 9). Можно предположить, что в целом топос *родина – могилы* используется для подчеркивания, акцентирования в тестах периодических изданий Польской православной церкви

позиции православной группы в прошлом и настоящем. С одной стороны, православные оказываются частью польского общества, разделяют с ним все трудности, приносят те же жертвы. С другой стороны, православные являются отдельной общностью, подвергающейся преследованиям, страдающей за свои религиозные убеждения.

## PRIMARY SOURCES

**CW 1989:** Prezydium Polskiej Rady Ekumenicznej. „W 50-ą rocznicę wybuchu drugiej wojny światowej." *Cerkiewny Wiestnik* (09.1989): 3–7.

**PP 2011a:** Bołtryk, Michał, „W Mostowlanach nad Świsłoczą." *Przegląd Prawosławny* (07.2011): 2–5.

**PP 2011b:** Bołtryk, Michał. „Sny o Warszawie." *Przegląd Prawosławny* (02.2011): 41.

**PP 2012a:** Bołtryk, Michał. „Na polach wsi Zanie." *Przegląd Prawosławny* (08.2012): 27–29.

**PP 2012b:** Bołtryk, Michał. „Panichida za furmanów."*Przegląd Prawosławny* (03.2012): 7–9.

**PZP 1994:** „Prawosławny ordynariat rozpoczął pracę." *Polski Żołnierz Prawosławny* (01.1994): 4–7.

**PZP 1995a:** Zając, Stanisław. „Z naszej przeszłości." *Polski Żołnierz Prawosławny* (01.1995): 11.

**PZP 1995b:** Chomik, Piotr. „Prawosławna modlitwa na cmentarzu na Monte Cassino." *Polski Żołnierz Prawosławny* (03.1995): 9.

**WPAKP 2002:** Lewczak, Mirosław. „Uroczystość w parafii Opieki Matki Bożej w Olsztynie." *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego* (12.2002): 12.

## REFERENCES

**Bartminski 2012:** Bartminski, Jerzy. *The Linguistic Foundations of Worldviews*. Lublin: UMCS, 2012. [In Polish: Bartmiński, Jerzy. *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin: UMCS, 2012.]

**Charkiewicz 2008:** Charkiewicz, Jaroslaw. *Martyrs of the 20$^{th}$ Century. Orthodox Martyrdom in Poland in the Biographies of Saints*. Warsaw: Warsaw Orthodox Metropolis, 2008. [In Polish: Charkiewicz, Jarosław. *Męczennicy XX wieku. Martyrologia Prawosławia w Polsce w biografiach świętych*. Warszawa: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2008.]

**Curtius 1997:** Curtius, Ernst. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Krakow: Universitas. [In Polish: Curtius, Ernst Robert. *Literatura europejska i łacińskie średniowiecze*. Kraków: Universitas, 1997.]

**Dudra 2019:** Dudra, Stefan. *The Polish Autocephalous Orthodox Church in the Area of Denominational Policy and National Policy of the People's Republic of Poland and the Third Republic*. Warsaw: WN Scholar, 2019. [In Polish: Dudra, Stefan. *Polski Autokefaliczny Kościół Prawosławny w obszarze polityki wyznaniowej oraz polityki narodowościowej Polski Ludowej i III Rzeczpospolitej*. Warszawa: WN Scholar, 2019.]

**Glowinski et al. 2002:** Głowinski, Michal & Teresa Kostkiewiczowa & Aleksandra Okopien-Slawinska & Janusz Slawinski. *Dictionary of Literary Terms*. Wroclaw: Ossolineum, 2002. [In Polish: Głowiński, Michał & Teresa Kostkiewiczowa & Aleksandra Okopień-Sławińska & Janusz Sławiński. *Słownik terminów literackich*. Wrocław: Ossolineum, 2002.]

**Naumow 1999:** Naumow, Aleksander. "The Kiev Tradition in Polish Orthodoxy." In Lesniewski, Krzysztof & Jadwiga Lesniewska, eds. *Orthodoxy. Light of Faith and a Source of Experience*: 449–471. Lublin: Orthodox Lublin-Chełm Diocese, 1999. [In Polish: Naumow, Aleksander. „Tradycja kijowska w prawosławiu polskim." W: Leśniewski, Krzysztof & Jadwiga Leśniewska, red. *Prawosławie. Światło wiary i zdrój doświadczenia*: 449–471. Lublin: Prawosławna Diecezja Lubelsko-Chełmska, 1999.]

**Podgorzec 1993:** Podgorzec, Zbigniew. *My Christ. Conversations with Jerzy Nowosielski*. Bialystok: Luk, 1993. [In Polish: Podgórzec, Zbigniew. *Mój Chrystus. Rozmowy z Jerzym Nowosielskim*. Białystok: Łuk, 1993.]

**Rudi 2005:** Rudi, Tatiana. "Topics of Russian Hagiography (Typology Issues)." In Rudi, Tatiana & Svetlana Semiachenko, eds. *Russian Hagiography. Research, Publications, Polemics*: 59–101. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2005. [In Russian: Руди, Татьяна. „Топика русских житий (вопросы типологии)." В: Руди, Татьяна & Светлана Семячко, ред. *Русская агиография. Исследования, публикации, полемика*: 59–101. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005.]

**Rymkiewicz 1968:** Rymkiewicz, Jaroslaw. *Various Thoughts on Gardens. The Story of One Topos*. Warsaw: Czytelnik, 1968. [In Polish: Rymkiewicz, Jarosław. *Myśli różnie o ogrodach. Dzieje jednego toposu*. Warszawa: Czytelnik, 1968.]

**Sokolova 2021:** Sokolova, Lidia. "The "Stoyanie na Kostyakh" Topos in Ancient Russian Battle Narratives." *The Problems of Historical Poetics*, vol. 19, book 4 (2021): 105–148. https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1638425915.pdf (accessed 21.07.2022). [In Russian: Соколова, Лидия. „Топос „стояние на костях" в древнерусских повествованиях о битвах." *Проблемы исторической поэтики*, vol 19, no 4 (2021): 105–148.]

**Tomczok 2016:** Tomczok, Marta. "What Hides behind the Barn? Metamorphoses of the Post-Jedwabne Topos in the Context of the Topoi of the Holocaust." *Narrations of the Shoah*, no 2 (2016): 72–87. [In Polish: Tomczok, Marta. „Co stoi za stodołą? Przemiany toposu pojedwabieńskiego a topika Zagłady." *Narracje o Zagładzie*, no 2 (2016): 72–87.]

**Weil-Bergougnoux 1994:** Weil-Bergougnoux, Michele. "A Software for Literary History." *Journal of French Literary History*, no 11–12 (1994): 1038–1055. https://www.jstor.org/stable/40532405 (accessed 21.07.2022). [In French: Weil-Bergougnoux, Michèle. "Un logiciel pour l'histoire littéraire." *Revue d'histoire littéraire de la France*, no 11–12 (1994): 1038–1055.]

**JAN MORAWICKI** (ЯН МОРАВИЦКИЙ), PHD STUDENT
University of Lodz
*https://orcid.org/0000-0002-5269-2569*